

А. Е. Бурцев

**Полное собрание этнографических трудов
Александра Евгеньевича Бурцева**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Е. Бурцев**
Полное собрание этнографических трудов Александра Евгеньевича Бурцева: Том 1 / А. Е. Бурцев – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 170 с.

ISBN 978-5-458-13192-6

Русские народные сказки и суеверные рассказы про нечистую силу.

ISBN 978-5-458-13192-6

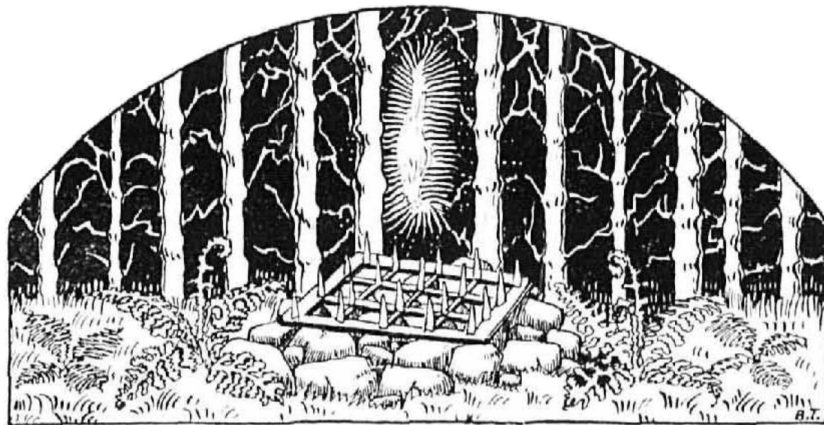
© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Русскія народныя повѣрья, примѣты, предсказанія, предразсудки и обычаи вмѣщаютъ въ себѣ подробности тайныхъ сказаній, передаваемыхъ изъ рода въ родъ русскимъ народомъ. Наши письменные памятники намекаютъ о нихъ, когда наука заставляла указать народу на какія-либо вредныя послѣдствія.

Здѣсь мы предлагаемъ читателю тѣ изъ наиболее интересныхъ преданій, которыя содержатъ въ себѣ различныя сказанія о тайнахъ, доселѣ признаваемого народомъ нашимъ, мнимаго чернокнижія.

А также помѣщаемъ здѣсь и тѣ многіе случаи изъ обыденной жизни народа, которые, на основаніи многократныхъ опытовъ, признаны народной мудростью за знаменательныя, и потому въ понятіяхъ простолюдина сложившіяся въ форму чего-то роковаго, неизбежнаго, и на основаніи такового понятія всѣ по-

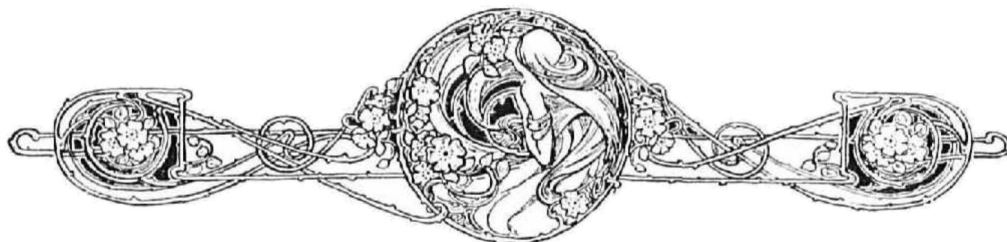
добные случаи, въ глазахъ народной массы, являются уже не какъ простая случайность или обыкновенное стеченіе обстоятельствъ, а чѣмъ-то въ родѣ фатума, заранѣе предрѣшающаго то или иное положеніе человѣческой судьбы, а иногда и самой жизни человѣка, и вслѣдствіе такого рѣшающаго значенія, всѣ подобные случаи начинаютъ играть въ обыденной жизни народа одну изъ важныхъ ролей, которая всегда и вездѣ, въ мало культурныхъ населеніяхъ сводится къ всему фатальному и таинственному, чего не въ состояніи объяснить себѣ простой человѣкъ.

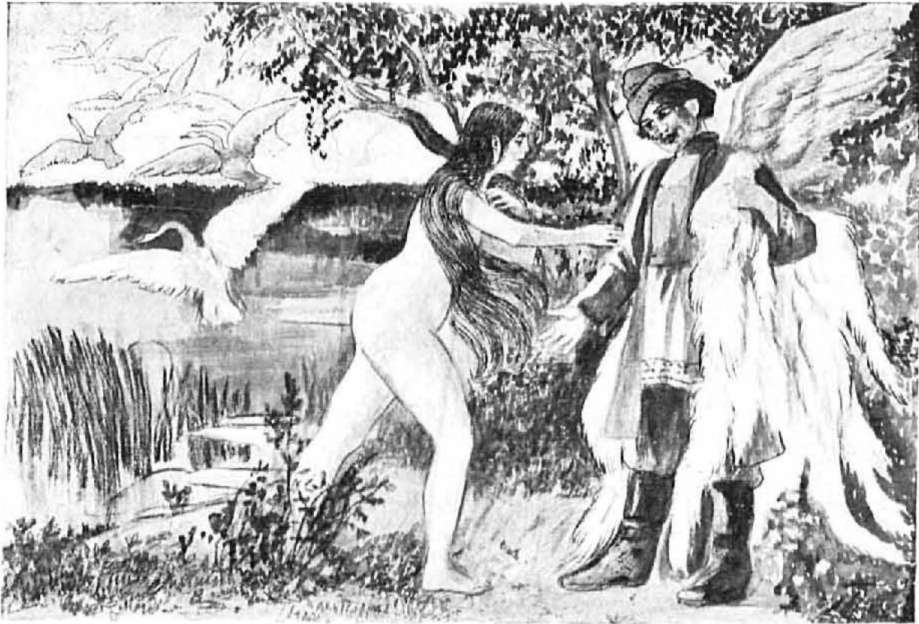
Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь же мы помѣщаемъ и все то, что такъ или иначе имѣетъ связь съ фатальнымъ или таинственнымъ: такъ какъ подобно случаямъ, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, становящимся въ глазахъ народа примѣтою,—всѣ сказанія, повѣрья и обычаи, имѣютъ основаніемъ своимъ одинъ и

тотъ же корень, то есть все таинственное и фатальное,—и разъ гдѣ-либо привившись и войдя въ строй народной жизни,—потомъ уже всѣ эти примѣты, повѣрья и сказанія и т. п. какъ устно, такъ и письменно переходятъ изъ рода

родъ и дѣлаются вѣчной и необходимой принадлежностью простаго русскаго чело-
вѣка.

А. В. Бурцевъ.

Демонологія.

О происхожденіи чертей разсказывается среди народа такъ: давно, давно тому назадъ, еще когда земля не была сотворена Богомъ, однажды, главному вождю ангельскихъ полчищъ запала мысль завладѣть престоломъ Бога. Вождь возсталъ противъ Бога. Богъ, страшно разгнѣвавшись на бунтовщика, двинулъ на него всѣ громаы небесныя и самъ вышелъ къ нему навстрѣчу съ горстью оставшихся вѣрными ангеловъ. Бунтовщики обратились въ поголовное бѣгство. Три дня и три ночи Богъ гнался за бѣгущими полчищами, но вотъ полчища остановились. Впереди зіяла страшная бездна „Отецъ нашъ, не губи сво-

ихъ дѣтей, взмолились вожди, мы каемся предъ тобою. Мы принуждены были и ослѣплены своимъ вождемъ, возьми его, отецъ“. Но разгнѣванный Богъ не простилъ ихъ, а повелѣлъ имъ быть демонами, вождю же ихъ — сатаню. Затѣмъ, ударилъ на полчища съ удвоенною силою и столкнулъ ихъ въ зіяющую бездну.

Въ безднѣ павшіе ангелы основали свое царство — адъ, въ которомъ живутъ и понынѣ.

По мнѣнію народа численность демоновъ въ нѣсколько разъ превышаетъ

численность ангеловъ. Существуетъ повѣріе, что большая часть чертей женаты на утопленницахъ и удавленницахъ и, что у нихъ родятся такъ же, какъ и у людей, свои дѣти.

Столбъ пыли, поднимаемый вихремъ производится чертомъ во время бѣсовской свадьбы. Ножъ, шило, топоръ и прочія острыя орудія, кинутыя въ средину этого столба, падаютъ покрытыми кровью черта или вѣдьмы.

Существуетъ повѣріе, что черти соединяются со всѣми женщинами, допустившими себя до полного распутства. Отъ такого союза дѣти рождаются странными, хотя нѣсколько и похожими на человѣческихъ дѣтей, такъ многіе увѣряютъ, что они рождаются въ шерсти, съ копытами и хвостомъ. Дьяволъ является такимъ женщинамъ въ видѣ дороднаго мужчины.

Существуетъ такъ же повѣріе, что черти похищаютъ у людей дѣтей до ихъ крещенія и подмѣниваютъ ихъ своими дѣтьми.

Черти живущіе въ аду, по понятіямъ крестьянъ несутъ тысячи всевозможныхъ работъ: одни подвозятъ къ печамъ дрова, другіе кипятятъ воду въ котлахъ, третьи расправляютъ по распоряженію сатаны съ новоприбывшими въ адъ грѣшниками и т. д. На землю черти являются по распоряженію сатаны исключительно для искушенія людей. Черти при этомъ принимаютъ большею частью виды какихъ нибудь животныхъ.

Дьяволъ любитъ принимать видъ черной кошки и черной собаки почему

многіе изъ крестьянъ предпочитаютъ болѣе держать въ своихъ домахъ этихъ животныхъ какого-нибудь другого цвѣта, преимущественно рыжаго и бѣлаго.

Въ непокрытый сосудъ съ водою входитъ дьяволъ, какъ равно входитъ и въ ротъ зѣвающего, если онъ его не перекреститъ.

По существующему повѣрію бѣсъ скрывается въ человѣка, если онъ не перекрестится во время грома. Произнести слово „чертъ“ не считается никакимъ грѣхомъ. Слово „чертъ“ въ весьма большомъ ходу среди крестьянъ нашей мѣстности. Оно встрѣчается почти во всѣхъ народныхъ выраженіяхъ: брани, похвалы, божбы и пр. Такъ напр.: „пошелъ къ черту“, „чертъ бы тебя побралъ“, „чертовъ сынъ“ и т. п.; „ай да чертовъ мазикъ“, „какъ вѣдь чертъ аккуратный“ и т. п.; „вынь сейчасъ чертъ мою душу, если я лгу“, „пусть я отнынѣ буду чертовымъ рабомъ, если лгу“ и т. п. Посылать ребенка къ черту есть великій грѣхъ, но на самомъ дѣлѣ, ребенокъ зачастую въ сердцахъ посылается къ черту. Существуетъ повѣріе, что дьяволъ похищаетъ такого ребенка.

Вино и табакъ по существующему повѣрію изобрѣлъ дьяволъ. Ходятъ среди народа даже рассказы на эти темы. Объ распространеніи вина среди крестьянъ рассказываютъ такъ: однажды къ богатому мужику зашелъ странникъ и попросилъ у него кусокъ хлѣба. Добрый мужикъ посадилъ странника за столъ, нарѣзалъ нѣсколько ломтей хлѣба, поставилъ солонку съ солью ковшъ съ

квасомъ и самъ, подсѣвши къ столу, сталъ спрашивать: „откуда идешь, куда правишься“...

Утоливши голодъ, странникъ вмѣсто того, чтобы поблагодарить хозяина за оказанное гостепрѣимство, досталъ изъ своего ранца дубовый боченочекъ и предложилъ тому выпить какого-то веселаго пойла“.

Какъ отвѣдалъ мужикъ этого веселаго пойла, такъ и почувствовалъ, словно по жиламъ вдругъ что разлилось.

Мужику такъ понравилось пойло, что онъ приступилъ къ страннику съ распросами: откудава, дескать, ты голубчикъ добылъ „эфто пойло“, какимъ способомъ варятъ пойло?

Странникъ сперва было не хотѣлъ сказывать про это, но послѣ долгихъ просьбъ, наконецъ рассказалъ. Мужикъ сталъ упранивать странника остаться у него на нѣкоторое время для варки веселаго пойла, обѣщая большую поденщину (поденную плату).

Странникъ согласился и въ тотъ же день принялся за работу.

Дни проходили за днями, недѣли за недѣлями, а странникъ все не отставалъ отъ возложенной на него мужикомъ работы.

Открыто было нѣсколько кабаковъ, въ которыхъ продавались доселѣ невиданные и неслышанные крѣпкіе напитки.

Народъ „расчухалъ“ свойство веселаго пойла и сталъ часто посѣщать кабаки.

О происхожденіи табака рассказывается такъ: однажды молодой помѣщикъ, шляясь по лѣсамъ, встрѣтился съ неизвѣстнымъ охотникомъ. Незвѣстный охотникъ попросилъ у помѣщика на нѣсколько зарядовъ пороху и дроби. Тотъ отсыпалъ, а неизвѣстный охотникъ за его услугу подарилъ ему коробку сигаръ и показалъ, какъ нужно курить ихъ. Помѣщикъ, какъ затянулся разъ другой, такъ и бросился къ охотнику на шею благодарить его и въ восторгѣ произнесъ слово „Боже“—глядь а неизвѣстнаго охотника, какъ не бывало, только подъ ногами валяется какая-то бумажка.

Поднялъ удивленный помѣщикъ эту бумажку и подпрыгнулъ отъ радости. Это было подробное описаніе о томъ, какъ растить табакъ.

По существующему повѣрію пьянымъ показываютъ дорогу черти, доводя иногда до гибели.

О самоубійцахъ народъ употребляетъ выраженіе „черту рабъ“. Народъ твердо полагаетъ, что человекъ совершаетъ преступленіе (поджогъ, убійство) подъ вліяніемъ бѣса. Неравновѣсіе душевныхъ силъ переходнаго возраста многіе объясняютъ вліяніемъ чертей и чертовокъ.

Существуетъ вѣрованіе въ духовъ, насылающихъ болѣзни.

Всѣ болѣзни, за исключеніемъ душевныхъ и проказныхъ происходятъ отъ Бога. Душевные и проказныя болѣзни насылаеть чертъ.

Дьяволъ входитъ въ того человѣка, который ведетъ свою жизнь въ небреженіи и бранится постоянно „демонскою бранью“.

Записано А. Каменевымъ.

Домовой.

Домоваго считаютъ духомъ добрымъ и называютъ хозяиномъ дома, а также хозяиномъ какъ надъ человѣкомъ, такъ и надъ скотомъ и кромѣ того, называютъ: „батюшко домовой“. Домовой ходитъ по всему дому, а мѣстопробываніемъ предпочитаетъ подполье. По народному убѣжденію, если онъ любитъ всю семью, то она будетъ жить богато и счастливо, а если же нѣтъ, то будетъ носить какую то тяготу и не будетъ зажиточна. Если полюбитъ дворъ и скотину, то въ домѣ будетъ большой приплодъ скота и онъ будетъ всегда здоровъ и сытъ, а если же нѣтъ, то не будетъ приплода на дворѣ; скотъ будетъ постоянно нездоровъ и часто будетъ околѣвать, по народному названію будетъ „ускотье“. Если же не залюбитъ одну извѣстную скотину, то отгоняетъ ее отъ корму и валяетъ даже съ ногъ и всячески ее мучитъ, иногда до смерти.

Федотъ Кирилловъ деревни Глубокова рассказывалъ: „у моего отца Кирилла Александрова, домовый не залюбилъ бураго мерина и почти каждую ночь привязывалъ его къ яслямъ хвостомъ; когда отвязуютъ, то закатить подъ ясли. Такъ побились-побились съ этимъ меринномъ и продали.

У тестя моего Василя Сергѣева былъ на дворѣ хлѣвъ, въ который, если поставятъ корову или телушку, то за ногами у каждой будетъ виться изъ соломы жгутъ и навьется до того, что нельзя будетъ ходить. Такъ случалось постоянно и отступились отъ хлѣва—не стали ставить никакую скотину. Должно быть мѣсто въ хлѣвѣ было не по домовому.

Кромѣ того, если домовый залюбитъ извѣстную лошадь, то заплетаетъ въ гривѣ косы, которыя, если выстрегутъ, то вскорѣ заплететъ новыя. Также случается и съ женщинами, у которыхъ домовый заплетаетъ косы. Про этотъ случай мнѣ рассказывалъ крестьянинъ дер. Тюшляева Иванъ Кондратьевъ слѣдующее:

„Домовой любилъ мою умершую мать, по ночамъ во снѣ заплеталъ ей косу въ волосахъ, особую отъ другихъ, которыя она дѣлала сама. Если она косу эту отстрижетъ, то заболитъ голова и косу онъ скоро заплететъ новую. Однажды спалъ я вмѣстѣ съ матерью и проснулся, ночь была мѣсячная и накинулъ на шею матери свою руку и подъ руку попала кошка, она сидѣла на затылкѣ—на во-

лосахъ и была не наша, а какая сѣрая. На другой день я спросилъ у матери о чужой кошкѣ и она мнѣ сказала: „полно дуракъ, это былъ домовой, заплеталъ у меня косу“.

Домовые, если залюбятъ на дворѣ скотину, то даютъ корму по ночамъ.

Ходить повѣрье, что домовой одного дома, побѣдивши домового другого дома, уноситъ кормъ въ свой домъ. Такъ у одного мужичка стало пропадать въ повѣти сѣно и онъ объ этомъ сказалъ сосѣду, который на это ему отвѣтилъ, что надо узнать—не домовой ли изъ другого дома уноситъ сѣно и научилъ мужика, какъ это сдѣлать. Мужикъ всталъ ночью съ уздою въ рукахъ въ тайное мѣсто и сталъ дожидаться прихода домового за сѣномъ. Дѣйствительно, пришелъ небольшого роста челоуѣкъ и сталъ накладывать въ возжи сѣно; тогда мужикъ выскочилъ изъ засады и съ скверными матерными словами сталъ хлестать уздою домового, который сейчасъ же исчезъ и съ тѣхъ поръ сѣно не стало пропадать“. Домовой, какъ говоритъ народъ, можетъ принимать различные виды.

Домовой по народному понятію есть въ каждомъ домѣ, Для того, чтобы было счастье хозяевамъ и скотинѣ, при переходѣ въ новый домъ, существуетъ обычай зазывать домового съ собою въ новый домъ: кланяются на мѣсто, гдѣ былъ старый домъ до трехъ разъ и при каж-

домъ поклонѣ говорятъ: „батюшка домовой, пойдемъ со мной, я въ новый домъ и ты со мной“, а когда семья раздѣлится на двѣ, то вновь выдѣлившійся хозяинъ зазываетъ изъ стараго дома въ свой новый, своего домового: придетъ на дворъ, на то мѣсто, гдѣ стояла скотина, которая ему дана въ на-дѣлъ; беретъ эту скотину и кланяется тому мѣсту до трехъ разъ и при каждомъ поклонѣ говоритъ: „батюшко до-вой-мой, иди со мной, вашъ оставайся здѣсь“. Когда приведутъ на дворъ (вновь купленную) скотину, то во всѣ четыре угла двора кланяются и при каждомъ поклонѣ говорятъ: „батюшко домовой, прими мою скотинушку (называютъ если лошадь—то лошадушка, а если корова, то коровушка) пой, корми, люби и жалуй“. Случается, домовой приходитъ ночью къ спящему челоуѣку и наваливается на грудь, такъ что тяжело становится дышать, это къ перемѣнѣ жизни того челоуѣка. Небоязливые люди въ то время его спрашиваютъ: „къ худу или къ добру“, и онъ отвѣчаетъ то или другое. Это случается передъ большимъ несчастіемъ или счастіемъ и передъ смертью семейниковъ дома. Иногда домовой стонетъ въ подпольѣ, его спрашиваютъ: „къ худу“, или „къ добру“?, если къ худу, то онъ тяжело простонетъ, а если къ счастью, то перестанетъ стонать. Кромѣ того, случается, что послѣ смерти людей, оеобенно изъ любямыхъ, онъ въ подпольѣ еще реветъ ребяческимъ плачемъ.

Лѣсовой.

О лѣсовомъ крестьянѣ говорятъ: „было время, годовъ 20 или 30-ть тому назадъ, не проходило ни одной ночи, чтобы не похалестился лѣшій. Нельзя было выйти вечеромъ или рано утромъ въ лѣсъ на охоту: то поетъ пѣсни, то лаетъ собакой, то кричитъ птицей и перелещается всякими манерами, а то еще заведетъ, куданибудь что и не выйдешь. Даже выйдешь на улицу вечеромъ и то непременно услышишь, гдѣнибудь ужъ онъ халестится, или выйдешь бывало молотить, а онъ давно ужъ дѣлаетъ свое дѣло, а нынѣ совсѣмъ его даже не слышать; если и случится, то

совсѣмъ рѣдко и то передъ какимънибудь несчастіемъ, а больше передъ покойникомъ—утопленникомъ, или удушенникомъ. А прежде сколько было колдуновъ,—почти въ рѣдкой деревнѣ не было, а нынѣ совсѣмъ почти не слышать. А сколько прежде портили бабъ (кликушъ), такъ и сказать страшно: бывало въ одной деревнѣ вдругъ завопятъ бабъ 30-ть, а нынѣ и этого нѣтъ—все затихло. А отъ того нынѣ этого нѣтъ, что лѣшимъ и всѣмъ чертямъ ужъ нынѣ дѣлать стало нечего. Народъ сталъ умнѣе чертей, перехитритъ и дьяволовъ, да что говорить—творимъ во всемъ волю

діавола: другъ друга обманываемъ, другъ передъ другомъ заносимся и гордимся; что возьмемъ, стараемся не отдать и постоянно ругаемся и деремся. Совсѣмъ чертямъ стало дѣлать нечего и они лежатъ на покоѣ. Прежде народъ былъ гораздо честнѣе, а потому у нихъ и было всего довольно, да и пугали черти для того, чтобы сбить ихъ съ праведнаго пути и поставить на грѣхъ. Появись-ка нынѣ колдунъ, и испорги-ка бабу, такъ ему и башку-то отвернуть на дому, а прежде ихъ боялись, какъ огня“.

Лѣшіе по народному понятію могутъ принимать различные виды. Произошли они, какъ понимаетъ народъ изъ среды діаволовъ, упавшихъ съ неба. Лѣшихъ нѣкоторые видѣли въ образѣ чело­вѣка и птицы.

Крестьяне деревни Жеброва Иванъ Мухинъ и Петръ Александровъ рассказывали: „Осенью въ третьемъ году мы словили рыбу на Шенгафѣ съ лучемъ (съ огнемъ)—острогой. Вдругъ явилась птица и залетала надъ самыми нашими головами и крыльями своими угасила нашъ огонь. Мы снова зажгли, она опять угасила и нѣсколько разъ мы зажигали, а она все гасила. Мы видимъ дѣло не ладно — вышли изъ воды, стали творить молитву и креститься, тогда защекотала сорока, а потомъ чертъ захохоталъ и когда мы побѣжали домой, онъ вскричалъ: „а — догадался“.

Лѣшіе по повѣрію народа живутъ въ каждомъ лѣсу и переходятъ съ мѣста на мѣсто, сбивая съ пути прохожихъ и про­ѣзжихъ, причемъ оказываютъ свои дѣй­ствія больше въ такихъ мѣстахъ, кото-

рыхъ почему либо въ народѣ считаются нечистыми. (Народъ считаетъ нечистыми тѣ мѣста, гдѣ часто пугаютъ черти людей или на коихъ были прежде совершены убійства, или послѣдовала скоростижная смерть чело­вѣка.

Когда собьются съ пути, чтобы найти дорогу, нѣкоторые снимаютъ съ себя всю одежду, перетрясутъ ее съ молитвою и вновь одѣваютъ.

Кромѣ того, лѣшіе или черти вообще, какъ увѣряютъ крестьяне еще наводятъ страхи на людей, всякими манерами пугаютъ: хохочатъ, кричатъ птицей, поютъ пѣсни и проч. но только отъ крика ихъ, какъ убѣжденъ народъ не бываетъ по мѣстному названію рау (эхо) и даже случается иногда сводятъ людей съ ума.

Въ деревни Среднева Еликонида Григорьева рассказывала: однажды шла я домой поздно вечеромъ изъ деревни Подгорнова и не дошла немного до своей деревни — вдругъ защекотала сорока и послѣ завизжалъ заяцъ, я перекрестилась,—не знаю, что дѣлать. Потомъ и загагайкалъ нечистой. Я добѣжала до своей деревни, а онъ все кричитъ разными голосами“.

Деревни Среднева Авдотья Алексѣева: „разъ пошли мы зимой въ самую полночь съ товаркой Марьей Васильевной къ заутрени, и вдругъ за нами съ колокольцомъ ѣдутъ: мы стали дожидаться, а они ни взадъ, ни впередъ—не догоняютъ насъ, и когда мы дошли до крестовъ, гдѣ дороги расходятся въ разные стороны, тогда нечистой загагайкалъ, защекоталъ сорокой, визжалъ зайцемъ и

всяко перелѣщался—разнымъ голосомъ. Мы прибѣжали къ приходу еще и огней ни у кого не было, едва-едва могли выпроситься въ избу — у насъ и языки не говорятъ“.

Деревни Среднева Авдотья Алексѣева и проч. крестьяне деревни Гузарева рассказывали: у насъ въ деревнѣ Пузаревѣ была женщина Анна Дмитриевна, а у нея былъ ребенокъ годовой — все ревѣлъ и надоѣлъ ей и она стала бранить его нехорошею бранью: „лѣшій бы тебя унесъ“. Вдругъ ночью въ тотъ разъ подходитъ къ ея окошку другая женщина—сусѣдка Марья Митревна, а это былъ самъ нехорошій и говоритъ: „давай ребенка я повожусь—тебѣ надоѣло водиться“ и она хотѣла было отдать, но ее остановила свекровь: отстань, не давай, что ты съ ума что ли сошла, я сама повожуся“. „Господи, что это будетъ“. Вдругъ нехорошой такъ застучалъ въ стѣну, что чуть не разворотилъ всю избу; пошелъ прочь да и загайкалъ: „а... га, га... га. до... га, да... ли... ся. На другой день спросили Марью Митревну—не бывала ли она, но та сказала: „что вы съ ума что ли сошли, почто я пойду къ вамъ въ полночь“.

Крестьянинъ деревни Тюшляева Иванъ Кондратьевъ рассказывалъ что слышалъ въ лѣсу, какъ лѣшій кричитъ ребенкомъ и реветъ быкомъ.

Деревни Барскаго Иванъ Андреевъ: „у меня есть шатровая мукомольная мельница. Не очень давно—года три, а много четыре тому назадъ пошелъ я въ самую глухую полночь ее посмотреть,

подхожу къ ней, вдругъ сдѣлался въ ей какой-то сильный шумъ и она отстала молотъ. Пришелъ въ мельницу, поправилъ ее, а она все не мелетъ, такъ и оставилъ, заперъ и пошелъ домой. Вдругъ мельница замолела и нигдѣ взялся чертъ и давай гагайкать разными голосами и видимо было, что онъ пошелъ отъ мельницы. Я прибѣжалъ домой, затворилъ благословясь калитку и подумалъ: „не чертъ ли это остановилъ мельницу-то, оно такъ и вышло. Прихожу на другой день въ мельницу и оказывается, что вся мука изъ ларей разсыпана на полъ“.

Деревни Глубокова Федотъ Кирилловъ: „разъ я косилъ на частомъ ляду—не далеко отъ рѣки Великой съ женой и свояченицей и до косились до потемокъ. Вдругъ кто-то звонилъ въ лѣсу разъ до трехъ, бабы и говорятъ: „видно лошадей ищутъ“.—„Полноте дуры, я говорю имъ—это чертъ“. Бабы до того у меня испугались, что даже заревѣли, а ему видно это было по мысли — сталъ подходитъ къ намъ ближе, а мы пошли тѣмъ временемъ почевать въ избушку—версты за двѣ и шли берегомъ рѣки. Идемъ мы берегомъ, а чертъ очутился ужъ на другомъ берегу и идетъ имъ нѣсколько поодаль отъ рѣки и такъ играетъ, въ дудку, хотъ пляши, слышно версты за три и все насъ провожалъ покуда мы не пришли въ избушку. Я его дразню: „славно — славно“, а онъ того шибче играетъ, а бабы у меня ревятъ во все горло и нейдутъ ни съ задни съ переди. Когда мы пришли въ избушку, я разбудилъ другихъ ночевальниковъ и тѣ слушали, а чертъ дойдя до Рароватки (рѣчки, впадающей въ рѣку Великую, поворотилъ въ лѣсъ и пошелъ